

**УЧЕБНИК
ДЛЯ ВУЗОВ**

ПИТЕР®

Под редакцией М. А. Гулиной

Психология социальной работы

Психология и этика профессиональной помощи ■

Кризисное и развивающее консультирование ■

Классические и интегративные методы помощи ■

Работа с «трудными» клиентами и группами ■

Программы консультирования и тренингов ■

2-е издание

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Учебник для вузов (Питер)

Коллектив авторов

**Психология социальной
работы. Теория и практика.
Учебник для вузов**

«Питер»

2017

УДК 159.9:364.04(075)
ББК 88.5

Коллектив авторов

Психология социальной работы. Теория и практика. Учебник для вузов / Коллектив авторов — «Питер», 2017 — (Учебник для вузов (Питер))

ISBN 978-5-496-02948-3

Второе издание учебника переработано и дополнено. Книга содержит полное и систематическое изложение основных теоретических принципов и моделей психологической и социальной помощи. В издании представлены базовые современные методы неклинической психотерапевтической и консультативной помощи и психологические механизмы адаптации и дезадаптации здорового человека в обществе, а также рассмотрены новейшие разработки в этой области. Ряд психодиагностических методов и программ тренингов публикуется впервые. Все авторы учебника являются практикующими психологами, работающими в конкретной сфере психологической и социальной помощи, что позволило им обобщить собственный и зарубежный опыт работы с конкретными группами людей и характерными для них проблемами. Некоторые из авторов являются признанными в России и за рубежом специалистами в данной области практической психологии. Учебник предназначен для студентов и слушателей факультетов психологии, педагогики, социологии, социальной работы, а также для психологов-консультантов, социальных работников и государственных служащих, работающих в сфере оказания психологической и социальной помощи населению. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 159.9:364.04(075)

ББК 88.5

ISBN 978-5-496-02948-3

© Коллектив авторов, 2017

© Питер, 2017

Содержание

Предисловие ко второму изданию	7
От редакции	9
Глава 1	10
Социальная адаптация как механизм социализации личности	13
Представления о социальной адаптации в различных психологических школах	14
Дезадаптация личности	18
Стратегии социальной адаптации	20
Контрольные вопросы	26
Глава 2	27
Теория социальной работы с точки зрения общей теории систем	28
Развитие профессиональных стандартов в социальной работе	31
Этические правила деятельности психолога	39
Личностные качества, необходимые для профессиональной социальной работы	41
Психологическое консультирование в социальной работе	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Психология социальной работы. Учебник для вузов

Под редакцией М. А. Гулиной

2-е издание

Рецензенты:

Ф. Е. Василюк, доктор психологических наук, профессор, факультет психологического консультирования Московского городского психолого-педагогического университета;

А. Ш. Тхостов, доктор психологических наук, профессор, факультет психологии Московского государственного университета.

© А. Хорошилова, фото, 2004

© ООО Издательство «Питер», 2017

© Серия «Учебник для вузов», 2017

Предисловие ко второму изданию

Этика стремится перевести идеальность в действительность, но не действительность в идеальность.

С. Кьеркегор

Социальная работа черпает свои знания из науки, но свой дух – из философии, религии, этики, моральных ценностей, а свой метод, по крайней мере частично, – из непостижимых (или непостижимых) нюансов человеческих отношений. Совершенно очевидно, что в социальной работе есть место искусству, потому что не вся она есть наука; и, хотя мы должны постоянно стремиться развивать научную базу нашей работы, мы не должны (даже если бы мы могли) умалять значение эстетического или этического компонента.

Х. Стейн

Во второе, переработанное и дополненное, издание вошли новые методы, разработанные и внедренные в практику психологической и социальной помощи специалистами – авторами учебника. Использование этих методов требует наличия психологической квалификации, и они с успехом могут быть использованы профессиональными психологами, работающими в сфере социальной и психологической помощи.

Развитие социальной работы как государственно организованных программ помощи наименее защищенным слоям населения в нашей стране началось сравнительно недавно: менее 20 лет назад, хотя традиции попечительской и благотворительной деятельности были достаточно глубокими в дореволюционной России. Рождением или институализацией социальной работы как профессиональной области можно считать 1870 г.: время первой национальной конференции социальных работников США. В настоящее время за рубежом социальная работа – отдельная научная область, в которой проводятся обширные исследования, защищаются диссертации и присваивается ученое звание *Professor of Social Work*; практически каждый зарубежный университет имеет в своем составе отдельный факультет социальной работы, где требования к профессиональным навыкам выпускников очень высоки. Развитие социальной работы в нашей стране даже в сравнительно короткий срок со всей очевидностью показало такую же необходимость профессионализации этой одной из самых гуманных практик.

Это, в свою очередь, невозможно без развития **психологии** социальной работы, так как профессионализация социальной работы связана именно с пониманием психологических механизмов и возможных последствий – как положительных, так и отрицательных – действий социальных работников, психологов, психиатров, социальных педагогов, работников приютов, служащих собесов, пенитенциарных и других подобных учреждений, занятых в различных социальных программах.

В главах учебника, посвященных общим теоретическим и методологическим вопросам, большое внимание уделено динамике представлений о предмете социальной работы. Если довоенный период характеризовался большим вниманием к прагматическим проблемам, с которыми сталкивались социальные работники, то в послевоенный период, параллельно с бурным развитием альтернативных психоанализу направлений в психологии личности и психотерапии, социальная работа стала приобретать все более психологическое содержание как практика, и все более часто психологические концепции стали привлекаться для интерпретации накапливаемого опыта. Эта тенденция психологизации социальной работы в ее определенных разделах простирается вплоть до современного периода, когда пишутся труды по «лечению в социальной работе» (например, книга *F. Turner «Social Work Treatment»*, впервые изданная в

1979 г.), а практическая подготовка социальных работников складывается из разнообразных тренингов по навыкам вмешательства в ситуацию, требующую помощи (*intervention skills*), по умению слушать клиента и т. д. Так, уже в 50-е гг. XX в. предметом социальной работы стало считаться предотвращение и снижение социально и психологически опасных эффектов кризисных ситуаций; акцент также ставился на развитие этических гармоничных и эффективных взаимоотношений между индивидуумом и обществом и сообществом, в которых он находится. Ведущими в социальной работе стали 3 крупных блока методов: **консультирование, поиск ресурсов и создание сети** вокруг клиента. Стало ясно, что в отличие от других практик целью социальной работы должно быть **самоусиление** человека, которому оказывается помощь.

Над теорией социальной работы в послевоенной Европе и Америке работала целая плеяда крупных теоретиков, часть из них видела функции социальной работы в помощи людям достичь таких взаимоотношений, которые способствуют реализации их потенциала как человеческих существ в соответствии с их культурными обычаями и ценностями. Замечательное по своей лаконичности определение дал американский ученый Г. Херн, который в 1958 г. писал, что «взаимоотношения являются сущностью социальной работы, будучи как ее целью, так и ее средствами». Интересно, что по времени это очень близко к периоду разработки в советской психологии В. Н. Мясищевым его концепции, где сходным образом была определена сущность **психотерапии**.

Социальная работа в истории развития своего предмета претерпела ряд радикальных изменений фокуса исследования. Самым серьезным из таких изменений является смещение внимания от причин к функции: от поиска и излечения причин дисфункций к созданию работающей адекватной программы, в которой общество несет ответственность за данную дисфункцию. Прежние модели «помощи нуждающимся» становятся все менее популярными: практика социальной работы отражает все более развивающуюся **демократическую этику**, что проявляется в понимании социального благополучия как «права» всех и каждого, а не «дара» привилегированных непривилегированным, хотя верно и то, что социальные работники и по сей день отождествляют себя с давней традицией беспокойства и ответственности за нужды людей и социальные стрессы.

Первая в России специализация «Психология социальной работы» была создана на факультете психологии СПбГУ в 1999 г. Именно синтез психологического и социального понимания причин страдания людей стал главным принципом работы специалистов этого нового для нашей страны профиля. Основным направлением учебной работы специализации стала подготовка психологов (как теоретиков и исследователей, так и практиков) для сферы оказания неклинической психологической помощи всем слоям населения, особенно наименее защищенной его части: это, например, дети – социальные сироты; люди, пережившие острую утрату или находящиеся в посттравматическом состоянии; дисфункциональные семьи или семьи в периоды кризисов, миграций и т. п.

Все авторы учебника – практикующие в своей области специалисты, все – выпускники факультета психологии СПбГУ. Учебник представляет собой интеграцию сложившихся законов социальной, психотерапевтической и консультативной работы за рубежом с актуальным опытом, накопленным российскими специалистами-практиками за последние годы. **Этическое осмысление** приобретенного авторами опыта делает работу с учебником особенно важной для **становления и формирования** специалистов помогающего профиля.

От редакции

Марина Анатольевна Гулина – доктор психологических наук, профессор СПбГУ и СИТИ Университета (*CITY University, London*); организатор первой в России специализации «Психология социальной работы»; автор более 140 научных работ, из которых около 30 опубликованы за рубежом. М. А. Гулина является международно сертифицированным специалистом в области психоанализа (*International Psychoanalytic Association, British Psychoanalytical Society*), гештальт-терапии и рационально-эмотивной терапии. Состоит членом профессиональных психологических обществ России (РПО), Санкт-Петербурга (СПбПО), США (*APA, IATA*), Великобритании (*British Psychological Society*); член редакционного совета «Московского психотерапевтического журнала» и журнала *The British Journal of Social Work*. Является руководителем ряда проектов социальной и психологической помощи, организатор и директор общероссийской волонтерской организации помощи семьям «Home-Start».

Глава 1

Психология социальной адаптации и дезадаптации личности

Я человек не новый!
Что скрывать?
Остался в прошлом я одной ногою.
Стремясь догнать стальную рать
Скользку и падаю другою.

Но есть иные люди
Те
Ещё несчастней и забытей
Они как струбы в решетке
Средь непомятых им событий.

Автограф стихотворения С. Есенина «Русь уходящая»

Социальная адаптация – это интегративный показатель состояния человека, отражающий его возможности выполнять определенные биосоциальные функции, а именно:

- адекватное восприятие окружающей действительности и собственного организма;
- адекватная система отношений и общения с окружающими; способность к труду, обучению, к организации досуга и отдыха;

- изменчивость (адаптивность) поведения в соответствии с ролевыми ожиданиями других (Психологический словарь. М., 1997. С. 13).

Социальная адаптация как механизм социализации личности

При изучении адаптации одним из наиболее актуальных вопросов является вопрос о соотношении адаптации и социализации. Процессы социализации и социальной адаптации тесно взаимосвязаны, так как отражают единый процесс взаимодействия личности и общества. Часто социализация связывается только с общим развитием, а адаптация – с приспособительными процессами уже сформировавшейся личности в новых условиях общения и деятельности. Явление социализации определяется как процесс и результат активного воспроизведения индивидом социального опыта, осуществляемого в общении и деятельности. Понятие социализации в большей степени имеет отношение к социальному опыту, развитию и становлению личности под воздействием общества, институтов и агентов социализации. В процессе социализации формируются психологические механизмы взаимодействия личности со средой, осуществляющиеся в процессе адаптации.

Таким образом, в ходе социализации человек выступает как объект, воспринимающий, принимающий, усваивающий традиции, нормы, роли, созданные обществом; социализация обеспечивает нормальное функционирование индивида в обществе. В ходе социализации осуществляются развитие, формирование и становление личности, в то же время социализация личности является необходимым условием адаптации индивида в обществе. Социальная адаптация является одним из основных механизмов социализации, одним из путей более полной социализации.

Социальная адаптация – это:

- а) постоянный процесс активного приспособления индивида к условиям новой социальной среды;
- б) результат этого процесса.

Социально-психологическим содержанием социальной адаптации является сближение целей и ценностных ориентаций группы и входящего в нее индивида, усвоение им норм, традиций, групповой культуры, вхождение в ролевую структуру группы.

В ходе социально-психологической адаптации осуществляется не только приспособление индивида к новым социальным условиям, но и реализация его потребностей, интересов и стремлений; личность входит в новое социальное окружение, становится его полноправным членом, самоутверждается и развивает свою индивидуальность. В результате социально-психологической адаптации формируются социальные качества общения, поведения и деятельности, принятые в обществе, благодаря которым личность реализует свои стремления, потребности, интересы и может самоопределиться.

Представления о социальной адаптации в различных психологических школах

Психоаналитическое понимание адаптации опирается на представления З. Фрейда, заложившего основы теории адаптации, о структуре психической сферы личности, в которой выделяются три инстанции: инстинкты Ид, система интериоризованной морали Суперэго и рациональные познавательные процессы Эго. Содержание Ид почти целиком бессознательно; оно включает как психические формы, которые никогда не были сознательными, так и материал, оказавшийся неприемлемым для сознания. «Забытый» материал продолжает обладать силой действия, которая вышла из-под сознательного контроля. Эго развивается из Ид; эта структура находится в контакте с внешней реальностью и контролирует и модулирует импульсы Ид. Суперэго развивается из Эго. Независимо от побуждений Ид и независимо от Эго Суперэго оценивает, ограничивает, запрещает и судит сознательную деятельность.

Социальная среда рассматривается как изначально враждебная личности и ее стремлениям, и социальная адаптация трактуется как процесс установления гомеостатического равновесия между личностью и требованиями внешнего окружения (среды). На восстановление приемлемого уровня динамического равновесия, которое увеличивает удовольствие и минимизирует неудовольствие, расходуется энергия, возникающая в Ид. Эго реалистически обращается с основными побуждениями Ид и является посредником между силами, действующими в Ид и Суперэго, и требованиями внешней реальности. Суперэго действует как моральный тормоз или противовес практическим заботам Эго и устанавливает границы подвижности Эго.

Эго испытывает тревожность, которая развивается в ситуации угрозы (реальной или воображаемой), при этом угроза слишком велика, чтобы ее игнорировать или справиться с ней. Фрейд указывает основные прототипические ситуации, порождающие тревожность.

1. Потеря желаемого объекта (например, ребенок, лишенный родителей, близкого друга или любимого зверька).

2. Потеря любви (потеря любви и невозможность завоевать вновь любовь или одобрение кого-то, кто много для вас значит).

3. Потеря личности (себя) – потеря «лица», публичное осмеяние.

4. Потеря любви к себе (Суперэго порицает действия или черты характера, что кончается чувством вины или ненавистью к себе).

Процесс адаптации в психоаналитической концепции можно представить в виде обобщенной формулы: конфликт – тревога – защитные реакции. Социализация личности определяется вытеснением влечения и переключением энергии на санкционированные обществом объекты (З. Фрейд), а также как результат стремления личности компенсировать и сверхкомпенсировать свою неполноценность (А. Адлер).

Подход Э. Эриксона отличается от основной психоаналитической линии и предполагает наличие также и позитивного выхода из ситуации противоречия и эмоциональной нестабильности в направлении гармонического равновесия личности и среды: противоречие – тревога – защитные реакции индивида и среды – гармоническое равновесие или конфликт.

Вслед за З. Фрейдом психоаналитическую концепцию адаптации разрабатывал немецкий психоаналитик Г. Гартман.

Г. Гартман признает большое значение конфликтов для развития личности, но он отмечает, что не всякая адаптация к среде, не всякий процесс научения и созревания являются конфликтными. Процессы восприятия, мышления, речи, памяти, творчества, моторное развитие ребенка и многие другие могут быть свободны от конфликтов. Гартман вводит термин «свободная от конфликта сфера Я» для обозначения той совокупности функций, которая в каждую данную минуту оказывает воздействие на сферу психических конфликтов.

Адаптация, согласно Г. Гартману, включает как процессы, связанные с конфликтными ситуациями, так и процессы, которые входят в свободную от конфликтов сферу Я.

Современные психоаналитики вслед за З. Фрейдом выделяют две разновидности адаптации:

- 1) аллопластическая адаптация, которая осуществляется за счет изменений во внешнем мире, совершаемых человеком для приведения его в соответствие со своими потребностями;
- 2) аутопластическая адаптация, которая обеспечивается изменениями личности (ее структуры, умений, навыков и т. п.), помогающими ей приспособливаться к среде.

Эти две собственно психические разновидности адаптации дополняются еще одной: поиском индивидом благоприятной для него среды.

Гуманистическое направление исследований социальной адаптации критикует понимание адаптации в рамках гомеостатической модели и выдвигает положение об оптимальном взаимодействии личности и среды. Основным критерием адаптированности здесь выступает степень интеграции личности и среды. Целью адаптации является достижение позитивного духовного здоровья и соответствия ценностей личности ценностям социума. При этом процесс адаптации не есть процесс равновесия организма и среды. Процесс адаптации в этом случае можно описать формулой: конфликт – фрустрация – акт приспособления.

В основе концепций этого направления лежит понятие здоровой, самоактуализирующейся личности, которая стремится к достижению своих жизненных целей, развивая и используя свой творческий потенциал. Равновесие, укорененность в среде уменьшают или совсем уничтожают стремление к самоактуализации, которая и делает человека личностью. Только стремление к развитию, к личностному росту, т. е. к самоактуализации, образует основу для развития и человека, и общества.

Выделяются **конструктивные** и **неконструктивные** поведенческие реакции. По А. Маслоу критериями конструктивных реакций являются: детерминация их требованиями социальной среды, направленность на решение определенных проблем, однозначная мотивация и четкая представленность цели, осознанность поведения, наличие в проявлении реакций определенных изменений внутриличностного характера и межличностного взаимодействия. Неконструктивные реакции не осознаются; они направлены лишь на устранение неприятных переживаний из сознания, но не на решение самих проблем. Таким образом, эти реакции являются аналогом защитных реакций (рассматриваемых в психоаналитическом направлении). Признаками неконструктивной реакции служат агрессия, регрессия, фиксация и т. п.

По К. Роджерсу, неконструктивные реакции – это проявление психопатологических механизмов. По А. Маслоу, неконструктивные реакции в определенных условиях (в условиях дефицита времени и информации) играют роль действенного механизма самопомощи и свойственны вообще всем здоровым людям.

Выделяются два уровня адаптированности: **адаптация** и **дезадаптация**. Адаптация наступает при достижении оптимального взаимоотношения между личностью и средой за счет конструктивного поведения. В случае отсутствия оптимального взаимоотношения личности и среды вследствие доминирования неконструктивных реакций или несостоятельности конструктивных подходов наступает дезадаптация.

Процесс адаптации в **когнитивной психологии личности** можно представить формулой: конфликт – угроза – реакция приспособления. В процессе информационного взаимодействия со средой личность сталкивается с информацией, противоречащей имеющимся у нее установкам (когнитивный диссонанс), при этом переживается состояние дискомфорта (угроза), которое стимулирует личность на поиск возможностей снятия или уменьшения когнитивного диссонанса. Предпринимаются попытки:

- опровергнуть поступившую информацию;
- изменить собственные установки, изменить картину мира;

- поиска дополнительной информации с целью установления согласованности между прежними представлениями и противоречащей им информацией.

В зарубежной психологии значительное распространение получило **необихевиористское** определение адаптации. Авторы этого направления дают следующее определение социальной адаптации.

Социальная адаптация – это:

- состояние, при котором потребности индивида, с одной стороны, и требования среды – с другой, – полностью удовлетворены; состояние гармонии между индивидом и природой или социальной средой;
- процесс, посредством которого это гармоническое состояние достигается.

Таким образом, социальную адаптацию бихевиористы понимают как процесс изменений (физических, социально-экономических или организационных) в поведении, социальных отношениях или в культуре в целом. Цель этих изменений – улучшение способности выживания групп или индивидов. В данном определении присутствует биологический оттенок, указывающий на связь с теорией эволюции и внимание преимущественно к адаптации групп, а не индивида, причем речь не идет о личностных изменениях в ходе адаптации индивида. Между тем в этом определении можно отметить следующие позитивные моменты:

а) признание адаптивного характера модификации поведения через учение, механизмы которого (научение, обучение, заучивание) являются одними из важнейших механизмов приобретения адаптивных механизмов личности;

б) использование термина «социальная адаптация» для обозначения процесса, посредством которого индивид или группа достигают состояния социального равновесия в смысле отсутствия переживания конфликта со средой. При этом речь идет лишь о конфликтах с внешней средой и игнорируются внутренние конфликты личности.

Интеракционистская концепция адаптации дает определение эффективной адаптации личности как адаптации, при достижении которой личность удовлетворяет минимальным требованиям и ожиданиям общества. С возрастом все более сложными становятся те ожидания, которые предъявляются к социализируемой личности. Ожидается, что личность должна перейти от состояния полной зависимости не только к независимости, но и к принятию ответственности за благополучие других. В интеракционистском направлении адаптированным считается человек, не только усвоивший, принявший и осуществляющий социальные нормы, но и принимающий на себя ответственность, ставящий и достигающий целей. Согласно Л. Филиппсу, адаптированность выражается двумя типами ответов на воздействия среды.

1. Принятие и эффективный ответ на те социальные ожидания, с которыми встречается каждый в соответствии со своим возрастом и полом. Например, учебная деятельность, установление дружеских отношений, создание семьи и т. п. Такую адаптированность Л. Филиппс считает выражением конформности к тем требованиям (нормам), которые общество предъявляет к поведению личности.

2. Гибкость и эффективность при встрече с новыми и потенциально опасными условиями, а также способность придавать событиям желательное для себя направление. В этом смысле адаптация означает, что человек успешно пользуется создавшимися условиями для осуществления своих целей, ценностей и стремлений. Адаптивное поведение характеризуется успешным принятием решений, проявлением инициативы и ясным определением собственного будущего.

Представители интеракционистского направления разделяют понятия «адаптация» и «приспособление». Т. Шибутани считал, что каждую личность можно охарактеризовать комбинацией приемов, которые позволяют ей справляться с затруднениями, и эти приемы могут рассматриваться как формы адаптации. Таким образом, адаптация относится к хорошо организованным способам справляться с типическими проблемами (в отличие от приспособления,

которое заключается в том, что организм приспосабливается к требованиям специфических ситуаций).

Такое понимание адаптации содержит идею активности личности, представление о творческом, целеустремленном и преобразующем характере ее социальной активности.

Итак, независимо от различий в представлениях об адаптации в различных концепциях, можно отметить, что *личность выступает в ходе адаптации как активный субъект этого процесса*.

О. И. Зотова и И. К. Кряжева подчеркивают активность личности в процессе социальной адаптации. Они рассматривают социально-психологическую адаптацию как взаимодействие личности и социальной среды, которое приводит к правильным соотношениям целей и ценностей личности и группы. Адаптация происходит тогда, когда социальная среда способствует реализации потребностей и стремлений личности, служит раскрытию и развитию ее индивидуальности.

В описании процесса адаптации фигурируют такие понятия, как «преодоление», «целенаправленность», «развитие индивидуальности», «самоутверждение».

В зависимости от структуры потребностей и мотивов личности формируются следующие типы адаптационного процесса:

- тип, характеризующийся преобладанием активного воздействия на социальную среду;
- тип, определяющийся пассивным, конформным принятием целей и ценностных ориентаций группы.

Как отмечает А. А. Реан, существует еще и третий тип адаптационного процесса, являющийся наиболее распространенным и наиболее эффективным с точки зрения адаптации. Это вероятностно-комбинированный тип, основанный на использовании обоих вышеназванных типов. При выборе того или иного варианта личность оценивает вероятность успешной адаптации при разных типах адаптационной стратегии. При этом оцениваются: а) требования социальной среды – их сила, степень ограничения целей личности, степень дестабилизирующего влияния и т. п.; б) потенциал личности в плане изменения, приспособления среды к себе.

Большинство отечественных психологов выделяют два уровня адаптированности личности: полная адаптированность и дезадаптация.

А. Н. Жмыриков предлагает учитывать следующие критерии адаптивности:

- степень интеграции личности с макро – и микросредой;
- степень реализации внутриличностного потенциала;
- эмоциональное самочувствие.

А. А. Реан связывает построение модели социальной адаптации с критериями внутреннего и внешнего плана. При этом внутренний критерий предполагает психоэмоциональную стабильность, личностную конформность, состояние удовлетворенности, отсутствие дистресса, ощущения угрозы и состояния эмоционально-психологической напряженности. Внешний критерий отражает соответствие реального поведения личности установкам общества, требованиям среды, правилам, принятым в социуме, и критериям нормативного поведения. Таким образом, дезадаптация по внешнему критерию может происходить одновременно с адаптированностью по внутреннему критерию. **Системная социальная адаптация** – это адаптация как по внешнему, так и по внутреннему критерию.

Таким образом, социальная адаптация подразумевает способы приспособления, регулирования, гармонизации взаимодействия индивида со средой. В процессе социальной адаптации человек выступает как активный субъект, который адаптируется к среде в соответствии со своими потребностями, интересами, стремлениями и активно самоопределяется.

Дезадаптация личности

В концепции общего **адаптационного синдрома** Г. Селье (совокупность адаптационных реакций организма человека и животных, носящих общий защитный характер и возникающих в ответ на значительные по силе и продолжительности неблагоприятные воздействия) **конфликт** рассматривается как следствие несоответствия потребностей личности ограничивающим требованиям социальной среды. В результате этого конфликта происходит актуализация состояния личностной тревоги, что, в свою очередь, включает защитные реакции, действующие на бессознательном уровне (реагируя на тревогу и нарушение внутреннего гомеостаза, Это мобилизует личностные ресурсы).

Таким образом, степень адаптированности личности при данном подходе определяется характером ее эмоционального самочувствия. Вследствие этого выделяются два уровня адаптации: адаптированность (отсутствие у личности тревоги) и неадаптированность (ее наличие).

Важнейшим показателем дезадаптации является нехватка «степеней свободы» адекватного и целенаправленного реагирования человека в условиях психотравмирующей ситуации вследствие прорыва строго индивидуального для каждого человека функционально-динамического образования – **адаптационного барьера**. У адаптационного барьера две основы – биологическая и социальная. В состоянии психического напряжения происходит приближение барьера адаптированного психического реагирования к индивидуальной критической величине. При этом человек использует все резервные возможности и может осуществлять особенно сложную деятельность, предвидя и контролируя свои поступки и не испытывая тревоги, страха и растерянности, препятствующих адекватному поведению. Длительное и особенно резкое напряжение функциональной активности барьера психической адаптации приводит к его перенапряжению, что проявляется в преневротических состояниях, выражающихся лишь в отдельных, наиболее легких нарушениях (повышенная чувствительность к обычным раздражителям, незначительная тревожная напряженность, беспокойство, элементы заторможенности или суетливости в поведении, бессонница и др.). Они не вызывают изменений целенаправленности поведения человека и адекватности его аффекта, носят временный и парциальный характер.

Если же давление на барьер психической адаптации усиливается и все его резервные возможности оказываются исчерпанными, то происходит надрыв барьера – функциональная деятельность в целом хотя и продолжает определяться прежними «нормальными» показателями, однако нарушенная целостность ослабляет возможности психической активности, а значит, сужаются рамки приспособительной адаптированной психической деятельности и появляются качественно и количественно новые формы приспособительных и защитных реакций. В частности, наблюдаются неорганизованное и одновременное использование многих «степеней свободы» действия, что ведет к сокращению границ адекватного и целенаправленного поведения человека, т. е. невротическим расстройствам.

Симптомы расстройства адаптации не обязательно начинаются сразу и не исчезают немедленно после прекращения стресса.

Реакции адаптации могут протекать:

- 1) с депрессивным настроением;
- 2) с тревожным настроением;
- 3) со смешанными эмоциональными чертами;
- 4) с нарушением поведения;
- 5) с нарушением работы или учебы;
- 6) с аутизмом (без наличия депрессии и тревоги);
- 7) с физическими жалобами;

8) как атипичные реакции на стресс.

Расстройства адаптации включают в себя следующие моменты:

- а) нарушения в профессиональной деятельности (включая школьное обучение), в обычной социальной жизни или во взаимоотношениях с другими;
- б) симптомы, выходящие за рамки нормы и ожидаемых реакций на стресс.

Стратегии социальной адаптации

Процесс социальной адаптации предполагает проявление различных комбинаций приемов и способов, стратегий социальной адаптации. Понятие «стратегия» в общем смысле можно определить как направляющий, организующий способ ведения действий, поведения, рассчитанных на достижение не случайных, сиюминутных, а значимых, определяющих целей.

Стратегия социальной адаптации как способ гармонизации индивида со средой, способ приведения в соответствие его потребностей, интересов, установок, ценностных ориентаций и требований окружения должна рассматриваться в контексте жизненных целей и жизненного пути человека. В связи с этим необходимо рассмотреть такой спектр понятий, как «образ жизни», «история жизни», «картина жизни», «жизненный план», «жизненный путь», «стратегия жизни», «стиль жизни», «жизненный сценарий».

В. А. Ядов отмечает, что социально-психологический анализ образа жизни призван выявить механизмы саморегуляции субъекта, связанные с его отношением к условиям жизни и деятельности, с его потребностями и жизненными ориентациями, а также с его отношением к социальным нормам.

К. А. Абульханова-Славская выделяет основные принципы изучения личности в процессе жизнедеятельности, сформулированные С. Л. Рубинштейном и Б. Г. Ананьевым:

- *принцип историзма*, где включение личности в историческое время позволяет рассматривать биографию как ее личностную историю;
- *генетический подход*, дающий возможность выделить разные основания для определения этапов, ступеней ее развития в жизни;
- *принцип связи* развития и жизненного движения личности с ее трудовой деятельностью, общением и познанием.

В основу принципа историзма была положена идея Ш. Бюлер, которая предложила провести аналогию между процессом жизни личности и процессом истории и объявила жизнь личности индивидуальной историей. Индивидуальную, или личную, жизнь в ее динамике она назвала жизненным путем личности и выделила ряд аспектов жизни, чтобы проследить их в динамике:

- последовательность внешних событий как объективная логика жизни;
- логика внутренних событий – смена переживаний, ценностей – эволюция внутреннего мира человека;
- результаты деятельности человека.

Движущей силой личности Ш. Бюлер считала стремление к самоосуществлению и творчеству. Как подчеркивала К. А. Абульханова-Славская, понимание жизненного пути Ш. Бюлер содержало главное: жизнь конкретной личности не случайна, а закономерна, она поддается не только описанию, но и объяснению.

Б. Г. Ананьев считал, что субъективная картина жизненного пути в самосознании человека всегда строится соответственно индивидуальному и социальному развитию, соизмеряемому в биографо-исторических датах.

А. А. Кроник представляет **субъективную картину жизненного пути** как образ, временные измерения которого соизмеримы с масштабами человеческой жизни в целом, образ, в котором запечатлено не только прошлое личности – история ее становления, не только настоящее – жизненная ситуация и текущая деятельность, но и будущее – планы, мечты, надежды. Субъективная картина жизненного пути – это психический образ, в котором отражены социально обусловленные пространственно-временные характеристики жизненного пути (прошлого, настоящего и будущего), его этапы, события и их взаимосвязи. Этот образ выполняет

функции долговременной регуляции и согласования жизненного пути личности с жизнью других, прежде всего значимых для нее, людей.

С. Л. Рубинштейн, анализируя работы Ш. Бюлер, воспринял и развил идею жизненного пути и пришел к выводу, что жизненный путь нельзя понять только как сумму жизненных событий, отдельных действий, продуктов творчества. Его необходимо представлять как нечто более цельное. Для раскрытия целостности, непрерывности жизненного пути С. Л. Рубинштейн предложил не просто выделять его отдельные этапы, но и выяснить, как каждый этап подготавливает и влияет на следующий. Играя важную роль в жизненном пути, эти этапы не предопределяют его с фатальной неизбежностью.

Одна из наиболее важных и интересных мыслей С. Л. Рубинштейна, по мнению К. А. Абульхановой-Славской, – это идея о поворотных этапах жизни человека, которые определяются личностью. С. Л. Рубинштейн утверждает идею **активности личности**, ее «деятельную сущность», способность совершать выбор, принимать решения, влияющие на собственный жизненный путь. С. Л. Рубинштейн вводит понятие личности как субъекта жизни. Проявления этого субъекта состоят в том, как осуществляется деятельность, общение, какие вырабатываются линии поведения на основе желаний и реальных возможностей.

К. А. Абульханова-Славская выделяет три структуры жизненного пути: жизненная позиция, жизненная линия и смысл жизни. **Жизненная позиция**, состоящая в самоопределении личности, формируется ее активностью и реализуется во времени как **линия жизни**. **Смысл жизни** ценностно определяет жизненную позицию и линию жизни. Особое значение придается понятию «жизненная позиция», которое определяется как «потенциал развития личности», «способ осуществления жизни» на основе личностных ценностей. Это основная детерминанта всех жизненных проявлений личности.

Понятие **жизненная перспектива** в контексте концепции жизненного пути личности К. А. Абульханова-Славская определяет как потенциал, возможности личности, объективно складывающиеся в настоящем, которые должны проявляться и в будущем. Вслед за С. Л. Рубинштейном К. А. Абульханова-Славская подчеркивает, что человек является субъектом жизни и индивидуальный характер его жизни проявляется в том, что личность выступает ее организатором. Индивидуальность жизни состоит в способности личности организовать ее по своему замыслу, в соответствии со своими склонностями и устремлениями, которые отражаются в понятии **стиль жизни**.

В качестве критерия правильного выбора жизненного пути человека К. А. Абульханова-Славская выдвигает главный – удовлетворенность или неудовлетворенность жизнью.

Стратегия жизни состоит в способах изменения, преобразования условий, ситуаций жизни в соответствии с ценностями личности, в умении соединять свои индивидуальные особенности, свои статусные и возрастные возможности, собственные притязания с требованиями общества и окружающих.

Возможность личности предвидеть, организовывать, направлять события своей жизни или, напротив, подчиниться ходу жизненных событий позволяет говорить о существовании различных способов организации жизни. Эти способы рассматриваются как способности разных типов личностей стихийно или сознательно строить свои жизненные стратегии. Само понятие **жизненной стратегии** К. А. Абульханова-Славская определяет как постоянное приведение в соответствие особенностей своей личности и способа своей жизни, построение своей жизни исходя из своих индивидуальных возможностей. **Стратегия жизни состоит в способах изменения, преобразования условий, ситуаций жизни в соответствии с ценностями личности, в умении соединять свои индивидуальные особенности, свои статусные и возрастные возможности, собственные притязания с требованиями общества**

и окружающих. В этом случае человек как субъект жизни интегрирует свои характеристики как субъекта деятельности, субъекта общения и субъекта познания и соотносит свои возможности с поставленными жизненными целями и задачами.

Таким образом, стратегия жизни – это стратегия самоосуществления личности в жизни путем соотнесения жизненных требований с личностной активностью, ее ценностями и способом самоутверждения.

Стратегия социальной адаптации представляет собой индивидуальный способ адаптации личности к обществу и его требованиям, для которого определяющими являются опыт ранних детских переживаний, неосознанных решений, принятых в соответствии с субъективной схемой восприятия ситуаций, и сознательный выбор поведения, сделанный в соответствии с целями, стремлениями, потребностями, системой ценностей личности.

Таким образом, стратегия социальной адаптации – универсальный индивидуальный принцип, способ социальной адаптации человека к жизни в его окружении, учитывающий направленность его устремлений, поставленные им самим цели и способы их достижения.

Стратегии социальной адаптации индивидуальны и неповторимы для каждой личности, тем не менее можно выделить некоторые черты и признаки, являющиеся общими, характерными для ряда стратегий, и перечислить, соответственно, **типы** стратегий социальной адаптации.

Многообразие видов и способов социально-психологической адаптации может быть рассмотрено как с точки зрения типов направленности активности в процессе адаптации (и тогда оно задается ведущими мотивами личности), так и с точки зрения конкретных видов и способов адаптации, которые задаются, с одной стороны, иерархией ценностей и целей, зависящих от общей направленности, а с другой – психологическими и психофизиологическими особенностями личности.

В классификации А. Р. Лазурского выделяются три уровня отношений. На первом уровне личность всецело зависит от среды. Окружение, внешние условия подавляют человека – таким образом, происходит недостаточное приспособление. На втором уровне приспособление происходит с пользой для себя и для общества. Люди, находящиеся на третьем уровне отношений – творческое отношение к среде, – умеют не только удачно приспособиться к среде, но и воздействовать на нее, изменяя и преобразовывая в соответствии со своими собственными потребностями и влечениями.

Таким образом, А. Р. Лазурский предусмотрел возможность направленности преобразовательного эффекта в результате социально-психологической адаптации личности как на изменение и перестройку личностной структуры (первый и второй уровни), так и вовне.

Аналогичные идеи высказывает Ж. Пиаже, по мнению которого условием успешной адаптации можно считать оптимальное сочетание двух аспектов социальной адаптации: **аккомодации** как усвоения правил среды и **ассимиляции** как преобразования среды.

Н. Н. Милославова характеризует типы адаптации в связи с уровнем соответствия личности внешним условиям, «врастания в среду», не включая процесс преобразования, воздействия личности на среду:

- *уравновешивание* – установление равновесия между средой и индивидом, которые проявляют взаимную терпимость к системе ценностей и стереотипам друг друга;
- *псевдоадаптация* – сочетание внешней приспособленности к обстановке с отрицательным отношением к ее нормам и требованиям;
- *приноравливание* – признание и принятие основных систем ценностей новой ситуации, взаимные уступки;
- *уподобление* – психологическая переориентация индивида, трансформация прежних взглядов, ориентаций, установок в соответствии с новой ситуацией.

Индивид может последовательно пройти все эти этапы, постепенно все более «врастая» в социальную среду от стадии уравнивания до стадии уподобления, а может остановиться на какой-то из них. Степень включенности в адаптационный процесс зависит от ряда факторов: от степени «герметичности» личности, от характера ситуации, от отношения индивида к ней и от жизненного опыта адаптирующегося.

Различия в способе индивидуальной жизни предполагают построение различных стратегий, ведущим параметром которого К. А. Абульханова-Славская считает активность как внутренний критерий личности в реализации ее жизненной программы. В качестве основания для описания различных стратегий личности К. А. Абульханова-Славская предлагает распределение инициативы и ответственности как индивидуальный способ реализации активности. Личность, в структуре которой преобладает ответственность, всегда стремится создать себе необходимые условия, заранее предусмотреть, что нужно для достижения цели, подготовиться к преодолению трудностей, неудач. В зависимости от уровня притязаний и направленности люди с развитой ответственностью могут проявлять различные способы самовыражения. Так, человек исполнительного типа обладает низкой активностью самовыражения, не уверен в своих силах, нуждается в поддержке окружающих, ситуативен, подчинен внешнему контролю, условиям, приказам, советам; он боится перемен, неожиданностей, стремится зафиксировать и удержать достигнутое.

Другой тип личности, с высокой ответственностью, получает удовлетворение от выполненного долга, самовыражается через его выполнение, его жизнь может быть распланирована до мельчайших деталей; ежедневное, ритмичное выполнение запланированного круга обязанностей приносит ему по окончании дня чувство удовлетворения; в жизни таких людей отсутствуют далекие перспективы, они не ждут ничего для себя, но всегда готовы выполнить чужие требования.

Люди с иного рода жизненной ответственностью могут иметь и друзей, и знакомых, но вследствие чувства «один на один» с жизнью исключают как какую-либо ориентацию на поддержку и помощь со стороны других людей, так и возможность брать на себя ответственность за других, поскольку, по их мнению, это увеличивает их зависимость и связывает свободу самовыражения. Ответственность таких людей реализуется в самых разных ролях.

Личность с развитой инициативой находится в состоянии постоянного поиска, стремится к новому, не удовлетворяясь готовым, заданным, руководствуется в основном только желательным, интересным, «загорается» идеями, охотно идет на любой риск, но, столкнувшись с новым, отличным от воображаемого, от созданных ею планов и замыслов, не может четко обозначить цели и средства, наметить этапы в реализации планов, отделить достижимое от недостижимого. Для инициативной личности чаще всего важны не результаты, а сам процесс поиска, его новизна, широта перспектив. Такая позиция субъективно создает разнообразие жизни, ее проблемность и увлекательность.

Можно выделить различные типы инициативных людей в зависимости от их склонности принимать на себя ответственность. Одни из них предпочитают делиться с окружающими своими проектами, предложениями, идеями, интенсивно вовлекать людей в круг своих творческих поисков, брать на себя ответственность за их научную и личную судьбу. Этим людям свойственно гармоничное сочетание инициативы и ответственности. Инициативность других людей может ограничиваться благими намерениями, а замыслы не претворяются в жизнь. Целостность или частичность их активности зависит от характера их притязаний и степени связи с ответственностью.

Человек, у которого инициативность является жизненной позицией, постоянно идет на поиск новых условий, на активное изменение жизни, расширяет круг жизненных занятий, дел, общения; он всегда выстраивает личностную перспективу, не только обдумывает что-то новое,

но и строит многоступенчатые планы, реалистичность и обоснованность которых зависят уже от степени ответственности, уровня развития личности.

У людей, сочетающих инициативу и ответственность, стремление к новизне и готовность к неопределенности, связанной с риском, сбалансированы; они постоянно расширяют свое семантическое и жизненное пространство, но могут уверенно распределять его на необходимое и достаточное, реальное и желаемое. Ответственность для такого человека предполагает не только организацию деятельности, но и возможность не жить ситуативно, а сохранять автономию и возможность проявить инициативу.

Е. К. Завьялова и С. Т. Посохова различают индивидуальные стратегии адаптации в связи с **поисковой активностью**, направляемой человеком на совершенствование системы взаимодействия с окружающей средой и самим собой. **Пассивная стратегия** наиболее характерна для людей, находящихся в состоянии социального или эмоционального шока, и проявляется в стремлении человека сохранить себя прежде всего как биологическую единицу, оставить неизменным прошлый образ жизни, использовать отлаженные и ранее эффективные стереотипы взаимодействия с окружением и самим собой. Ядром пассивной стратегии адаптации являются негативные эмоциональные переживания: тревога, фрустрация, ощущение утраты, непреодолимости преград; прошлое кажется прекрасным независимо от реальности, настоящее воспринимается драматично, помощь ожидается извне; учащаются агрессивные реакции по отношению к окружающим и к себе; человек боится взять на себя ответственность за принятие рискованных решений.

Пассивная стратегия адаптации обуславливается рядом личностных свойств и, в свою очередь, формирует определенный тип личности, доминирующее положение в структуре которой занимают сверхосторожность, педантичность, ригидность, предпочтение регламентации всякой творческой активности и свободе решений, ориентация на принятие коллективно выработанного решения, тяга к обезличиванию, безоговорочному принятию социальных норм, ответственное выполнение привычных обязанностей.

В случае возникновения новых форм взаимодействия человека с природой, обществом, самим собой реализуется **активная стратегия** адаптации – стратегия, центрированная на совершаемых самим человеком внутриличностных и внешних социальных перестройках, на изменении прежнего образа жизни, на преодолении трудностей и разрушении неудовлетворяющих отношений; при этом человек ориентируется на собственные внутренние резервы, готов и способен отвечать за свои действия и решения. В основе активной стратегии адаптации лежат реалистическое отношение к жизни, способность видеть не только негативные, но и позитивные стороны действительности; человек воспринимает преграды как преодолимые. Его поведению и деятельности свойственны целенаправленность и организованность; активное, преодолевающее поведение сопровождается преимущественно позитивными эмоциональными переживаниями. Центрированная на преодолении, активная стратегия, так же как и пассивная, формирует определенный **психологический портрет личности**: социальная направленность действия и решений, социальная уверенность и уверенность в себе, высокая личная ответственность, самостоятельность, коммуникабельность, высокий уровень притязаний и высокая самооценка, эмоциональная устойчивость.

Сопоставляя рассмотренные подходы, можно в общем и целом определить стратегию социальной адаптации как преимущественный способ построения субъектом своих отношений с окружающим миром, другими людьми и самим собой в решении жизненных задач и достижении жизненных целей.

При оценке этой стратегии необходимо рассмотреть сферу субъективных отношений личности:

- а) отношение к себе, оценка своей успешности, принятие себя;

б) интерес к окружающим и общению с ними, отношение к окружению и людям в целом, принятие других людей, представление об их оценке личности, позиция в общении (доминирование или ведомость) и в конфликтных ситуациях;

в) позиция в отношении мира в целом, которая может проявляться в предпочтении тех или иных переживаний, отражающихся в уровне притязаний личности, ее способе возложения ответственности и отношении к будущему (открытость будущему или страх перед будущим, замыкание на настоящем).

Заключая вышесказанное, в рамках психоаналитического направления социальная адаптация трактуется как гомеостатическое равновесие личности с требованиями внешнего окружения (среды). Социализация личности определяется вытеснением влечения и переключением энергии на санкционированные обществом объекты (З. Фрейд), а также как результат стремления личности компенсировать и сверхкомпенсировать свою неполноценность (А. Адлер).

В рамках гуманистического направления исследований социальной адаптации выдвигается положение об оптимальном взаимодействии личности и среды. Основным критерием адаптированности здесь выступает степень интеграции личности и среды. Целью адаптации является достижение позитивного духовного здоровья и соответствия ценностей личности ценностям социума. При этом процесс адаптации не есть процесс равновесия организма и среды.

Социальная адаптация подразумевает способы приспособления, регулирования, гармонизации взаимодействия индивида со средой. В процессе социальной адаптации человек выступает как активный субъект, который адаптируется к среде в соответствии со своими потребностями, интересами, стремлениями и активно самоопределяется. Процесс социальной адаптации предполагает проявление различных комбинаций приемов и способов, стратегий социальной адаптации.

Под стратегией социальной адаптации следует понимать преимущественный способ построения субъектом своих отношений с окружающим миром, другими людьми и самим собой в решении жизненных задач и достижении жизненных целей.

Стратегия социальной адаптации представляет собой индивидуальный способ адаптации личности к обществу и его требованиям, для которого являются определяющими влияния опыта ранних детских переживаний, неосознанных решений, принятых в соответствии с субъективной схемой восприятия ситуаций, сознательным выбором поведения в соответствии с целями, стремлениями, потребностями, системой ценностей личности.

Контрольные вопросы

1. Почему именно проблема адаптации так активно разрабатывается в психологии и других науках о человеке?
2. Адаптация – это процесс или результат?
3. Проблема адаптации – это изначально биологическая, психологическая или социальная проблема?
4. Как вы можете пояснить выражение З. Фрейда: «Болезнь – это симптом цивилизации»?
5. Что мог иметь в виду русский философ Н. Бердяев, говоря, что «культура всегда была великой неудачей жизни»?
6. Какова роль бессознательного в осуществлении процесса адаптации?
7. Какова может быть «цена» адаптации?

Глава 2

Общая теория социальной работы

Г. Доре. «Крыло подхватило и коня, и всадника», 1863

Теория социальной работы с точки зрения общей теории систем

Развитие социальной работы как профессиональной области скорее схоже с развитием медицины, чем психологии, в том смысле, что динамика развития была не от теории к практике, а от практикования к попыткам объяснить полученные эффекты.

Если как практика социальная работа возникла раньше научного периода в психологии – примерно в 70-х гг. XIX в., то теоретическое осмысление ее результатов и развитие навыков шло под большим влиянием и параллельно с развитием теории психоанализа (вплоть до конца 1940-х гг. психодинамический и эго-психологический подходы были доминирующими в индивидуальной социальной работе, т. е. в работе с одним клиентом, а не с группой; *social casework*) и позже – теории социальной психологии, теории научения, теории стресса и других психологических концепций. Вопрос, достигла ли социальная работа научного периода своего развития, заслуживает особого рассмотрения, поскольку на Западе она уже давно является отдельной научной дисциплиной наряду с психологией, социологией, психиатрией и др., а в нашей стране ее неожиданное бурное развитие носит характер повсеместного образования в этой области в условиях недостаточно развитой системы социальной работы как научно обоснованной практики.

Относительно социальной работы многие десятилетия даже в странах, где существовали уже развитые формы социальной работы, направленные не на локальную **сервисную службу**, а на **самоусиление человека** и помощь ему в нахождении собственных ресурсов, в первую очередь психологических, шла дискуссия по поводу того, возможно ли создание собственной теории социальной работы, или это практическая область, где необходимы «просто» высокая мотивация и практические навыки помощи страдающим людям.

Сторонники научного подхода в данном вопросе придерживаются взгляда, что в любой практике не существует абсолютной неизменной и единственно адекватной теории, но в основе любой практики, особенно касающейся трансформации социальных и психологических процессов, должна лежать концепция, обобщающая и объясняющая цели и механизмы изменений. Только в этом случае можно говорить о профессиональном развитии данной области практики.

Практика является профессиональной в той степени, в какой она санкционирована обществом. Получение санкций на практику и обучение в конкретной предметной области подразумевает, что эта область деятельности может продемонстрировать свою интегрированность, предъявить свою теорию, работать в соответствии с ней и разработать свои профессиональные навыки. **Профессиональная интегрированность** предполагает, что специалисты данной области работают согласно общим для них, разделяемым ими и внутренне взаимосвязанным ценностям (можно заметить, что различные профессиональные и предметные области обладают различной степенью интегрированности в этом смысле: это зависит от ряда факторов). Это относится в равной степени как к психологии, так и к социальной работе.

Разум есть способность видеть связь общего с частным.

И. Кант. Критика чистого разума

Наличие теории подразумевает, что профессиональная деятельность осуществляется в соответствии с осознаваемыми, предсказуемыми и рациональными последствиями определенных действий. Профессиональными можно назвать те навыки, которые обеспечивают максимально возможное соответствие между действиями и намерениями, целями действий. *Для общества профессиональной практикой делает уникальное сочетание убеждений как сформулированных ценностей, которые исповедуют профессионалы, их знаний и навыков.*

Основной задачей профессионалов является обеспечение развития этих трех составляющих, определение и переопределение ценностей, которые лежат в основе их деятельности. Сферой их деятельности и ответственности является расширение теоретической области для понимания существа наблюдаемых процессов. Развитые профессиональные сообщества также помогают своим членам приобрести и поддерживать необходимые и адекватные профессиональные навыки.

Итак, в основе любой практики должна лежать ее **теоретическая модель**. Моделью мы будем называть символическую репрезентацию воспринимаемого феномена. Как считает крупный американский теоретик социальной работы П. Медоуз, создавая модель, мы концептуально помечаем каждую часть наблюдаемого комплекса. Более того, это включает замещение некоторых частей комплекса некоторыми репрезентациями, или символами. Каждая модель является паттерном символов, правил и процессов, которые приняты как соответствующие – частично или полностью – существующему изучаемому комплексу. Каждая модель обусловлена, таким образом, некоторой соотносительностью с реальностью и некоторой верифицированностью модели по отношению к реальности. Модели могут классифицироваться по различным основаниям. Так, по уровню своей абстрактности они могут заполнять континуум от иконических или пиктографических моделей через описательные модели различных уровней абстрактности до математических моделей. Модели могут также различаться по характеру **метафор**, которые они используют (известными примерами являются механистические и организмические модели). Ряд авторов считают, что в области наук о человеке возможны и допустимы модели, где используются метафоры различных типов, если ученый осознает, какие метафоры для каких целей он использует. Но модели любого типа и вида имеют как свои ценности, так и ограничения.

Поскольку социальная работа имеет дело не только с индивидуумами, но и с группами и сообществами, представляется важным определить ряд характеристик, являющихся общими как для индивидуума как системы, так и для группы и сообщества как системы. Г. Херн, одним из первых начавший разрабатывать **системный подход** в социальной работе, считает, что если в качестве метафоры избрать организмическую модель, то можно взять следующие характеристики.

1. Человеческие системы обмениваются материей со своим окружением, и эта материя может быть как информацией, так и энергией.
2. Энергия может поступать как изнутри системы, так и из ее окружения.
3. Поведение человеческих систем характеризуется целеполаганием.
4. В характеристиках состояния этих систем отражается их перемещение в пространстве.
5. Они могут достигать тех же самых характеристик состояния благодаря различным первоначальным, исходным, условиям и благодаря варьирующимся влияниям энергии и информации.
6. Как для отдельного человеческого существа как системы, так и для агломераций людей характерным является внутреннее взаимодействие важных функциональных процессов, позволяющих им оставаться в устойчивом состоянии.
7. В их функционировании можно обнаружить тенденцию к развитию механизации, т. е. ряд процессов в их развитии обнаруживает тенденцию функционировать все более и более фиксированно.
8. Человеческие системы обнаруживают сопротивление к любому нарушению их устойчивого состояния.
9. Они способны в некотором диапазоне приспосабливаться к внешним и внутренним изменениям.
10. Они могут продуцировать себе подобные системы.

Это описание может быть рассмотрено как некоторое упрощение, но оно дает основу для рассматривания человеческих систем как организмических, т. е. **открытых**. Подобная модель может быть с успехом использована для описания процессов, происходящих в социальной работе. Кроме того, представляет интерес рассмотрение и **закрытых** человеческих систем: в литературе не встречается подобных теоретических исследований, но практика показывает, что человеческие системы могут по крайней мере проявлять качества закрытых систем как на уровне индивидуума (например, аутистические личности), так и на уровне агломераций – групп и сообществ (например, секты). Полемика между сторонниками теории и сторонниками эмпиризма понятна и заслуживает, безусловно, уважения; в развитии теории социальной работы разгар этой полемики приходится на 1950–1960-е гг., затем, возможно под влиянием новых достижений в психологии личности, в социальной работе наступит новый расцвет эмпиризма, но уже на более высоком уровне. В защиту сторонников эмпиризма уместно привести цитату из известной своей полемичностью работы В. Лутца: «Понятия и принципы, лежащие в основе практики социальной работы со случаем» (Lutz, 1956): «...эмпирический опыт богаче, чем любая теоретическая система, пытающаяся его описать. Человеческое существо в любой данный момент может быть описано как химическая, физическая, биологическая или личностная система, а также как часть различных социальных систем. Ни одно систематическое описание не является исключительно “верным”. Каждое является удовлетворительным и предпочтительным путем описания в соответствии с некоторыми научными и практическими целями феноменов. Принять позицию, что какая-либо отдельная концептуальная рамка (*frame of references*) полно и адекватно описывает феномены, – это значит навязать законченность эмпирическому опыту, что может быть правомерно только в отношении абстрактных теоретических систем. Подобная эмпирическая завершенность, безусловно, остановит продвижение вперед научного знания и эффективности практики».

Развитие профессиональных стандартов в социальной работе

В зависимости от стадии своего развития в различные временные интервалы социальная работа рассматривалась самым различным образом: начиная с психиатрической помощи на дому (1870-е гг., США), когда от социальных работников требовались навыки, близкие к навыкам патронажных медицинских сестер, и заканчивая участием в формировании государственных программ социального развития общества (примером последнего может служить модель социальной работы в Дании). В каждом конкретном обществе в зависимости от его потребностей и от степени осознания им этих потребностей (второе часто игнорировалось в истории нашего государства) концепция социальной работы носит специфический, порой уникальный характер. Это, разумеется, не снижает, а скорее обостряет необходимость создания общей теории социальной работы, где были бы предусмотрены возможные теоретические и прикладные модификации, отражающие конкретные социальные и психологические условия, в которых данная модель применяется.

Не человек является проблемой, а у него есть проблема.

Г. Стейн

Оглядываясь на историю развития социальной работы за рубежом, нетрудно заметить, что первоначально социальная работа была очень тесно связана с социальными науками. Так, Г. Стейн напоминает, что первая национальная конференция социальных работников в Америке была организована Американской ассоциацией социальных наук (ASSA) в 1870 г. И хотя уже в 1879 г. социальная работа выделилась как отдельная область, вплоть до 20-х гг. XX в. она оставалась под влиянием социологии, экономики, политических наук как в США, так и в развитых странах Западной Европы. Начиная же с 1920-х гг. под влиянием распространения идей психоанализа социальная работа драматически изменила свою ориентацию – на первый план выступила работа с конкретным человеком (*social casework*), но уже не столько в традициях психиатрического или диагностического подхода, сколько психодинамического: как сформулировали это теоретики и практики социальной работы, в частности Г. Стейн, «не человек является проблемой, а у него есть проблема». **Психодинамический подход** в социальной работе неоднократно анализировался в зарубежной литературе, он может именоваться «психодинамическим консультированием», «психодинамической работой со слушателем» (*psychodynamic casework*), психосоциальным подходом. В чем большинство теоретиков согласны между собой, так это в том, что социальная работа впитала в себя следующие идеи З. Фрейда и его последователей (особенное место отводится теории О. Ранка, а также Д. Боулби, Э. Эриксона, М. Кляйн):

- принятие опыта клиента и ситуации, в которой он находится;
- учет предыдущего опыта отношения клиента со значимыми близкими, особенное внимание уделяется травмам отрыва от матери, недостатку привязанности, проблемам сепарации;
- роль желаний и контржеланий клиента;
- сопротивление изменениям;
- необходимость усиления Эго.

Заметим, что данные формулировки идут именно из работ по теории и практике социальной работы, поэтому они несколько отличаются от принятых в психологической и психоаналитической литературе.

Другим фактором, повлиявшим на развитие методологии социальной работы, явились социально-экономические изменения в довоенных Америке и Европе. Великая депрессия 1930-х гг. послужила сильным толчком для развития новых, более активных методов работы в

сообществах, группах, семьях. Кроме того, началась эра эмпирических исследований в области прикладных социальных исследований. Интересно, что в СССР примерно в этот же период педологи работали с беспризорными детьми на грани психологии и, казалось бы, социальной работы, хотя этот термин и не употреблялся, поскольку социальных проблем официально не существовало, были только «пережитки прошлого» и «родимые пятна капитализма». Однако в целом это был период, когда, по меткому выражению Хоффмана, «“сырой” исследовательский эмпиризм прикладывался к не менее “сырому” служебному прагматизму» (Hoffman, 1955). Объектами исследований в социальной работе становились и социальные процессы (разрабатывались методы сбора и регистрации информации, различные по степени вмешательства в ситуацию методы, совершенствовались методы наблюдения и пр.), и сами службы помощи: например, создавались критерии для оценки их эффективности, накапливался опыт организации агентств по работе с определенным, актуальным в данный момент типом проблемы. Все более совершенные методы применялись для исследования неизвестного пока содержания феноменов социальной работы.

Помни об общем принципе, и ты не будешь нуждаться в совете.

Эпиктет

Послевоенный период характеризовался огромным энтузиазмом в отношении возможностей социального обновления в странах Западной Европы и в Америке. Семья, дети как ценности обрели новое звучание: много надежд возлагалось на внимательное отношение к развитию ребенка (напомним, что послевоенное поколение детей, получивших это «посттравматическое» гипервнимание родителей, в 1960-е гг. вышло на улицы во время знаменательных студенческих волнений, которые коснулись даже стран Восточной Европы). Ряд ученых, работавших в смежных с социальной работой областях, начинают идентифицировать себя с ней и посвящают свой талант области социальной работы. После периода «залечивания» острого горя и ран Второй мировой войны, в чем социальные работники оказались незаменимыми (работа с сиротами, беженцами, эмигрантами, инвалидами), начинают формироваться долгосрочные социальные проекты: как исследовательские (некоторые из них длятся до сих пор, например, лонгитюдные исследования детей, потерявших родителя, или семей, где дети проявили девиантное поведение), так и прикладные программы помощи и развития. Так же как и в психологии, возникает новая волна интереса к проблемам личности, начинают рождаться новые психотерапевтические теории, в социальной работе накапливается все больше эмпирических знаний об индивидуальном поведении людей и групп. Есть серьезные основания полагать, что теоретическая психология личности, и особенно психотерапия, на Западе в этот период развивалась не только благодаря экспериментально полученным данным, но и обогащалась эмпирическим опытом армии социальных работников, опыт которых был значительно более разносторонним, чем опыт сравнительно немногочисленных психотерапевтов. В середине 1950-х гг. Э. Гринвуд, анализируя этот процесс, отмечал все более и более ощущаемый недостаток собственных теоретических построений в социальной работе и что «практический опыт был накоплен в основном методом проб и ошибок, грубо эмпирическим и прагматическим способом».

И теоретические работы начинают появляться: вторая половина 1950-х гг. знаменуется появлением обобщающих трудов по индивидуальной социальной работе – по работе со случаем и консультированию (Aptekar, *The Dynamics of Casework and Counseling*, 1955), по процессу принятия решений в индивидуальной социальной работе (Perlman, *Social Casework – A Problem-Solving Process*, 1957), по работе с группами (Saloshin, *Development of an Instrument for the Analysis of the Social Group Work Method in a Therapeutic Setting*, 1954) и сообществами (Ross, *Community Organization – Theory and Principles*, 1955). Этот период концептуализации

эмпирического и экспериментального опыта, получаемого в социальной работе, продолжается и поныне и пока далек от завершения.

Уже на ранних стадиях развития социальной работы стало очевидным, что человеческая индивидуальность конкретного социального работника накладывала существенный отпечаток на процесс оказания помощи, поэтому многие теоретики обсуждали вопрос о соотношении **искусства и науки** в этой профессиональной области. В послевоенные годы, когда вопрос о теоретических основаниях социальной работы стал серьезно разрабатываться, многие авторы сошлись во мнении, что это область и не чистого искусства, и не только прикладной науки, а скорее категория научно обоснованного искусства, хотя уже в это время ряд авторов настаивали на необходимости поиска логических императивов, а не только эмпирической реальности в практике социальной работы. Так, Г. Стейн писал: «Социальная работа черпает свои знания из науки, но свой дух – из философии, религии, этики, моральных ценностей, а свой метод, по крайней мере частично, – из непостижных (или непостижимых) нюансов человеческих отношений. Совершенно очевидно, что в социальной работе есть место искусству, потому что не вся она есть наука; и хотя мы должны постоянно стремиться развивать научную базу нашей работы, мы не должны (даже если бы мы могли) умалять значение эстетического или этического компонента» (Stein, 1955, p. 148). Он также подчеркивал, что поскольку роль навыков в социальной работе чрезвычайно велика, именно это сближает ее с искусством и делает ее более сложной по сравнению с другими чисто прикладными науками.

В развитии любой профессиональной области время от времени возникает **дисбаланс между теорией и практикой**: практика является двигателем теории, поскольку накапливает факты и реагирует на изменение потребностей общества и условий окружающей среды, но в то же время отсутствие развитой теории оставляет профессиональную практику на уровне ремесла или конгломерата отдельных приемов.

Как уже упоминалось, социальная работа проделала этот путь развития от ремесла к профессии, хотя до сих пор существуют сторонники точки зрения, что это ремесло. Г. Койл считает, что отличительными особенностями профессии (и это в равной мере относится и к профессии психолога-консультанта, хотя Койл размышляла о проблемах профессионализма в социальной работе) являются следующие черты:

- наличие разработанного, развитого и верифицируемого объема знаний;
- установление профессиональных стандартов;
- рост профессионального самосознания;
- значительный вклад в жизнь и развитие общества (Coyle, 1947, p. 81–97). Согласно этим критериям, считали автор и другие его сторонники, социальная работа в своем развитии определенно достигла этого уровня (заметим, что речь шла о ситуации в послевоенной Америке).

Иная точка зрения, которая также беспокоит сторонников развития профессионализма в социальной работе, заключается в том, что на социальную работу смотрят как на конгломерат **знаний** (а уже не просто навыков), почерпнутых из других смежных областей. Так, А. Кан описывает социальную работу в тот период как слияние следующих составляющих:

- положения, заимствованные из психиатрии и некоторых областей психологии или несущие их глубокий отпечаток;
- положения, заимствованные из социологии, социальной антропологии, а также выхваченные из некоторых других областей или несущие их глубокий отпечаток;
- несомненно, некоторые оригинальные идеи о том, как работать в тех или иных ситуациях со случаем, группой или сообществом;
- методы, техники и установки, несомненно, пришедшие из администрирования, статистики и социальных исследований;
- положения, заимствованные из прогрессивного образования или несущие его глубокий отпечаток (Kahn, 1954, p. 197).

Разумеется, проблема не в том, что эти источники неадекватны: наоборот, на наш взгляд, практика социальной работы наполнила новым смыслом, оживила и развила многие теоретические положения и модели смежных наук. Проблема заключается в отсутствии собственного теоретического аппарата, что может вести к ряду искажений как в теории, так и в практике социальной работы.

Безусловно, оригинальная теория профессиональной деятельности, во-первых, должна оперировать понятиями о своих собственных, а не заимствованных теоретических и прикладных задачах и функциях, поскольку теоретические разработки, сделанные в смежных областях (например, в психологии, в социологии), не являются достаточными для социальной работы; более того, социальная работа как практика во многом обогатила эти и другие области знания о человеке и обществе в целом. Интересно, что эта первоначальная **междисциплинарность** социальной работы до сих пор прослеживается в факте существования различных точек зрения на ее предмет: если проследить границу и определять отличия социальной работы от социологии, то создается одно определение предмета социальной работы, если идти от другой ее ближайшей смежной области – психологии, то предмет социальной работы видится иначе. Так, например, западные социологи видят различия между социологией и социальной работой в **разделении ответственности**: социология как социальная наука ставит своей задачей поиск общих закономерностей развития общества, тогда как социальная работа занимается вопросами взаимоотношений между общественными процессами и конкретными элементами, составляющими этого общества. Кроме того, если социология занимается вопросами всех условий общественного развития, то социальная работа ставит во главу угла условия, ведущие к ситуациям социальных дисфункций, когда общество по каким-то причинам (которые и должны быть предметом исследования) не справляется со своими функциями.

Важной является динамика представлений о **предмете** социальной работы. Если довоенный период характеризовался большим вниманием к прагматическим проблемам, с которыми сталкивались социальные работники, то в послевоенный период параллельно с бурным развитием альтернативных психоанализу направлений в психологии личности и психотерапии социальная работа стала приобретать все более психологическое содержание как практика и все чаще для интерпретации накапливаемого опыта стали привлекаться психологические концепции. Эта тенденция **психологизации социальной работы** в ее определенных разделах простирается вплоть до современного периода, когда пишутся труды по «лечению в социальной работе» (например, Turner, *Social Work Treatment*, 1979), по психодиагностике в социальной работе, а практическая подготовка социальных работников складывается из разнообразных тренингов по навыкам вмешательства (*intervention skills*) в ситуацию, требующую помощи, по умению слушать клиента и т. д. Вообще же, если смотреть «из психологии» на предмет социальной работы, становится очевидным, что задачи прикладной (социальной, клинической, возрастной, педагогической) психологии и социальной работы перекрещиваются в сфере изучения и создания оптимальных условий развития, обучения, труда, общения человека, групп и сообществ. Так, одно из определений предмета социальной работы, данное Г. Маасом, предполагает, что в социальной работе «основное знание фокусируется на поведении человека в стрессовых условиях» (Maas, 1957, p. 15), а именно на изучении динамики стрессовых ситуаций, и особенно на путях предотвращения или улучшения этих ситуаций, а также на изучении оказываемых ими воздействий на человека. Несколькими годами ранее Г. Маас и М. Волинс определили социальную работу как «предотвращение и снижение социально и психологически опасных эффектов кризисных ситуаций» (Maas, Wolins, 1954, p. 215) и, очевидно, они видели функцией социального работника обеспечение протекания (*facilitating*) этих процессов предотвращения (профилактики) и улучшения. Э. Гринвуд вслед за Г. Бисно (Bisno, 1952) видит функции социальной работы «в помощи достижения людьми таких взаимоотношений, которые способствуют реализации их потенциала как человеческих существ в соответствии

с их культурными обычаями и ценностями» (Greenwood, 1955); и далее, если такие отношения по каким-либо причинам разрушаются или есть такая опасность, то функции социальных работников становятся принципиально важными для:

- а) помощи в создании необходимых, желаемых общественных ресурсов или в активизации уже существующих ресурсов;
- б) помощи людям в использовании имеющихся ресурсов.

В социальной работе основное знание фокусируется на поведении человека в стрессовых условиях.

Г. Маас

Функции социальной работы заключаются в помощи людям достичь таких взаимоотношений, которые способствуют реализации их потенциала как человеческих существ в соответствии с их культурными обычаями и ценностями.

Э. Гринвуд

Взаимоотношения являются сущностью социальной работы, будучи как ее целью, так и ее средствами.

Г. Херн

Роль социального работника, таким образом, видится в объединении различных стратегий для улучшения функционирования социальной службы, которую он представляет, оставаясь при этом представителем своей профессии и действуя в интересах своего общества.

Г. Херн подчеркивает, что «взаимоотношения являются сущностью социальной работы, будучи как ее целью, так и ее средствами» (Hearn, 1958, p. 30), поскольку целью является установление и поддержание приемлемых отношений между клиентом и обществом, а средствами являются те отношения, которые устанавливает социальный работник с клиентом, и то влияние, которое социальный работник оказывает на отношения клиента с окружающей действительностью. Заметим, насколько это определение неотлично от современного понимания сущности психологической помощи. Объектом этого может быть, конечно, не только отдельный человек, но и группа или сообщество, тем не менее главной целью остается установление и использование эффективных взаимоотношений, равно как и неизменным остается основной метод социальной работы, а именно то, *как* социальный работник видит, воспринимает клиента (индивидуума, группу, сообщество). Такая постановка вопроса, естественно, вызывает ряд возражений; так, сам Г. Херн констатирует разрыв между степенью теоретической оснащенности социальной работы с индивидуальным клиентом, где используются теория, например, психосексуального развития для описания физического и эмоционального развития, и между работой с группой, где подобного описания не создано. Вообще, уже на этот период можно констатировать, что социальные науки отстали от психологических в своих возможностях служить базой для теории социальной работы. Практика показала, что структурный подход к объяснению социальных явлений не обладает достаточной объяснительной силой и не может в достаточной степени оснастить социального работника в практической деятельности. Необходимость наряду со структурным динамическим подходом к пониманию влияния общества на «клиента» (индивидуума, группу, сообщество, с которыми работает социальный работник) и «клиента» на общество становилась все более очевидной. Обобщая этот период дискуссии о предмете социальной работы, следует возразить, что социальная работа как наука в современный период должна иметь своим предметом не только человека в неблагоприятных условиях: в этом случае она могла бы с успехом остаться частью психологии, а также неклинической психотерапии. Уникальностью предмета социальной работы является то, что она занимается процессом, имеющим место *между* элементами таких систем, как человек – человек

в контексте группы или (со)общества, человек – группа, человек – (со)общество, группа – (со)общество, сообщество – общество. Осуществление этого процесса, позитивность и эффективность его характера как раз и зависят от степени разработанности теории и практических методов социальной работы в обществе, а также от степени соответствия теории и практики нуждам именно данного конкретного общества. Таким образом, необходимость общей теории, учитывающей специфику потребностей конкретного общества как системы и его конкретных составляющих (человек, группа, сообщество) как подсистем, снова становится очевидной.

С другой стороны, поспешное создание собственной теории социальной работы может привести к тому, что какая-либо одна теория начнет довлеть над остальными возможными теоретическими построениями. Теория должна рассматриваться не как *credo* (т. е. как верование) или как абсолютное знание, а скорее как определенным образом организованная концептуальная рамка для построения последовательных гипотез. Такой подход позволяет:

- а) значительно расширить число возможных предлагаемых для верификации гипотез;
- б) избежать, по выражению А. А. Крылова, возможной и столь знакомой отечественным ученым «моноконцептуальности» в гуманитарных и социальных науках;
- в) создать условия для возникновения новых теоретических построений, релевантных для данной области в конкретный период ее развития.

Последствиями абсолютизации теории являются также, как известно, застой, стерильность и стагнация в науке. Безусловно, отношение к теории как к политике (т. е. как к наиболее возможной в данный момент аппроксимации имеющегося знания к изучаемой реальности) порождает ряд сложностей, таких как возможные неопределенность и дезорганизация в теоретических построениях, но в то же время оно позволяет научному знанию оставаться открытым новому опыту и сохранять способность внутренне развиваться.

Социальная работа в истории развития своего предмета претерпела ряд радикальных изменений фокуса исследования, самым серьезным таким изменением является смещение внимания **от причин к функции**: от поиска и излечения причин дисфункций к созданию работающей адекватной программы ответственности общества за дисфункцию. В это время все больше внимания уделяется помощи в обеспечении прав человека через улучшение функционирования служб социальной работы. Прежние модели «помощи нуждающимся» становятся все менее популярными: практика социальной работы отражает все более развивающуюся демократическую этику, что проявляется в понимании социального благополучия как **права всех и каждого**, а не **дара привилегированным непривилегированным**, хотя верно и то, что социальные работники и по сей день отождествляют себя с давней традицией беспокойства и ответственности за нужды людей и социальные стрессы.

Все социальные программы, независимо от того, спроектированы ли они для нужд индивидуумов, групп или сообществ, направлены на то, чтобы освободить скрытые ресурсы и увеличить возможности каждого человека сделать свою жизнь более полной, более социально полезной и чтобы увеличить силы общества для создания такой структуры, которая сделает социальную самореализацию более возможной для всех членов общества.

Научный период в социальной работе начался с постановки во главу угла **метода работы**: это связано с именем и трудами американского ученого М. Ричмонд, которая заложила основы **работы со случаем** (*social workcase*), т. е. такое взаимодействие социального работника с клиентом, когда именно последний, а не какие-либо другие люди и факторы (материальная помощь клиенту, его обучение, интересы службы социальной работы, успех программы и т. п.), становится центром внимания (Richmond, 1917). Многое в методе работы со случаем естественным образом, так как речь идет о 20-х гг. XX в., было почерпнуто из открытий психоанализа, о чем пишут теоретики и практики социальной работы: этому, так же как и влиянию со стороны других школ, будет посвящена следующая глава.

Не совершенство, а полнота – вот, что ожидается от вас.

К. Г. Юнг

Однако Ричмонд ввела в практику работы со случаем и новый, не менее важный компонент **социального диагноза**, что на десятилетия стало основой для метода оценки социальным работником ситуации, в которой находится клиент. Большинство специалистов сходятся в том, что начиная с периода 1920-х гг. задачи выполнения социальных программ помощи нуждающимся все чаще становятся вторичными по отношению к таким целям, как **индивидуальное самоусиление** клиента и повышение его способности пользоваться **общественными ресурсами и возможностями**.

С именем другого известнейшего американского социального работника Вирджинии Робинсон связано новое, альтернативное диагностическому направлению **функциональное** направление (Robinson, 1930). Функциональная социальная работа отличалась от структурной в основном двумя аспектами. В психологическом аспекте она отличалась тем, что исходила **не** из психологии **заболевания** (*psychology of illness*), а из психологии **роста** (*psychology of growth*), где подчеркивалась роль творческого потенциала человека, а также место социальных и культурных факторов в его развитии. Это ставило в центр профессиональных взаимоотношений не социального работника, а клиента; роль же социального работника виделась уже не столько в оценивании степени «нормальности» и социальной дееспособности клиента, а также мер по его излечению, сколько в предоставлении ресурсов (собственных – как социального работника и как представителя агентства) в его распоряжение для обеспечения его роста. Подчеркнем, что в данном случае имеются в виду не психологические, а социальные цели роста, хотя многие социальные работники, включая Робинсон, находились под большим влиянием работ О. Ранка, который являлся одной из наиболее ярких фигур в раннем психоаналитическом движении. Функциональная социальная работа стала основой для деятельности различных агентств и служб вплоть до настоящего времени; сторонники этого подхода удовлетворяются детальным продумыванием и планированием принципиальных моментов в функционировании служб социальной работы и открыто заявляют, как, например, современный ведущий специалист в британской социальной работе Р. Смолли, что под теорией социальной работы понимают «обоснованный план действий» (Smalley, 1967).

Вступление социальной работы в сферу работы с **индивидуальными нуждами**, потребностями и проблемами (индивидуума, супружеской пары, семьи, группы и т. д.) неизбежно повлекло за собой оказание наряду с социальной и психологической помощи (разумеется, в контексте социальной работы), что со временем стало одним из методов социальной работы. Эти гуманизация, индивидуализация и психологизация социальной работы, которые можно констатировать последние 20 лет, еще более усложнили процесс профессиональной идентификации для представителей этой профессии, однако и существенно обогатили эту профессиональную область и в ряде случаев наполнили ее новым содержанием. В настоящее время при анализе различных современных концепций и моделей социальной работы нетрудно увидеть две основные школы, или два подхода, которые, как показывает анализ их зарождения, представленный в предыдущем разделе, берут свое начало в двух источниках: один – в **ранних социальных науках** (конец XIX в.), другой – в **психологии личности** (начало XX в., т. е. в психоаналитических концепциях). Это «двуязычие» не преодолено и осознается рядом крупных теоретиков социальной работы; другие, менее диалектично настроенные специалисты предпочитают настаивать на своем подходе и критиковать альтернативный. Этот вопрос «двух источников, двух составных частей» социальной работы формулируется иногда следующим образом: различия внутри единства или различные единства? Заметим, что еще более остро подобный вопрос стоит, например, в психологии личности и в терапевтической психологии, а также во многих других областях гуманитарного знания, где вынуждены сосуществовать прин-

ципиально различные подходы: например, целевой – причинно-следственный, социальный – индивидуальный, номинализм – эссенциализм, детерминизм – нондетерминизм.

Что представляют собой два источника социальной работы: различия внутри единства или различные единства?

Этические правила деятельности психолога

На данный момент одним из наиболее острых вопросов подготовки психологов является проблема оценки уровня профессионализма специалистов. На пути решения этой проблемы необходимым видится создание свода этических правил для психологов, работающих в настоящее время в нашей стране, и построение обучения психологов в соответствии с этическими нормами профессиональной деятельности.

Профессиональная деятельность психологов направлена на развитие научного психологического знания о человеке, основанного на экспериментальных исследованиях и данных, полученных с помощью **валидных и надежных методов**. Психологическое научное знание может рассматривать человеческое поведение в различных контекстах, поэтому психолог может выполнять различные профессиональные функции и обязанности и выступать как теоретик, исследователь, преподаватель – учитель – тренер, психодиагност, психотерапевт, супервизор (преподаватель психотерапии, отвечающий за профессиональный рост психолога-психотерапевта), консультант, администратор, воспитатель, социальный работник, эксперт. Во всех случаях целью работы психолога является развитие научного понимания человеческого поведения и, если это необходимо и целесообразно, практическое использование научного знания в целях улучшения условий существования и функционирования как индивида, так и социальной группы или (со)общества. Психологи признают важность свободы в постановке научной проблемы и в выражении своих научных взглядов. Они также стремятся помочь людям в развитии их способности понимать свое поведение и поведение других людей.

Тому, кто не постиг науки добра, всякая иная наука приносит лишь вред.

М. Монтень. Опыты

Цель этических правил – способствовать нормальному функционированию индивидов и групп, с которыми психологи работают, а также обеспечить защиту обеих сторон. Следование этическим правилам является индивидуальной ответственностью каждого, кто стремится к высоким стандартам профессиональной практики и поведения. Этические правила психологов основываются на общечеловеческих ценностях, а также логически вытекают из профессионального опыта. Соблюдение правил принципиально важно в профессиональной деятельности, но может не распространяться на частную жизнь психолога. Ниже приведены важнейшие правила деятельности психолога.

1. Профессиональная компетентность. Психологи стремятся поддерживать высокие стандарты профессионализма в своей работе. Они признают ограничения их собственной компетентности и границы их экспертизы. Они предлагают только те услуги, оказывают психологическую помощь, используя те методы и техники, которые прошли апробацию в психологическом образовании, в психологическом исследовании и в психологической практике. Психологи отдают себе отчет в том, что необходимый уровень компетентности различается в зависимости от различных областей, где они работают. В тех областях, где признанных стандартов еще не существует, психологи принимают необходимые меры предосторожности, чтобы обеспечить безопасность тех, с кем они работают: это могут быть коллеги, студенты, испытуемые, клиенты или пациенты, а также группы. Психологи признают важность релевантной научной информации и постоянного дальнейшего обучения в области, где они работают.

2. Научная ответственность. Цели психологического исследования не должны ставить под сомнение или угрозу физическое и психическое здоровье людей, а также гражданские и человеческие права как взрослых, так и детей и подростков. Психологи отвечают за соответствие используемых ими методов и нормативных шкал общепринятым в России стандартам и целям их собственного исследования.

Психологи не предоставляют неспециалистам возможность использовать психологические методы (тесты, опросники и др.) и методы психотерапевтической и консультационной работы.

Конструирование новых тестов и опросников, а также других прикладных методов должно базироваться на научно обоснованных процедурах стандартизации, валидации, проверки надежности, а также должны быть разработаны инструкции и рекомендации для внедрения их в практику.

Психологи признают границы определенности психологических диагнозов, заключений и прогнозов, которые они делают.

3. Честность. Психологи осознают то влияние, которое оказывают их собственные системы ценностей, убеждения, взгляды и потребности на их профессиональную деятельность, поэтому в области научных исследований, в обучении, практической работе, в публикациях они ведут себя честно, справедливо и уважительно по отношению к другим. В описании своей квалификации, в научных, финансовых и других отчетах, в практической деятельности и публикациях они не представляют ложных сведений, фактов.

Плагиат считается недопустимым, даже если заимствование (экспериментальных данных, авторских методов или цитирование без ссылок) произошло непреднамеренно. При опубликовании данных, выводов, заключений, которые впоследствии оказались преждевременными или неверными, считается необходимым обсуждение этого автором в последующих публикациях. Психологи избегают этически неприемлемых и потенциально вредных двойственных профессиональных взаимоотношений.

4. Социальная ответственность. Психологи уважают право каждого человека на конфиденциальность, самоопределение, частную жизнь, равные возможности, несмотря на то что они осознают важность культурных, индивидуальных, ролевых различий, таких как возраст, пол, национальность, этническая принадлежность, религия, сексуальная ориентация, язык, социоэкономический статус, состояние физического и психического здоровья. Психологи не участвуют в заведомо несправедливых и дискриминационных акциях. Психологи стараются предотвратить возможное неправильное использование их методов и результатов работы. Психологи развивают те практики, которые служат интересам людей, их психическому здоровью, развитию способностей, социальной безопасности и благополучию.

Отношения психологов (консультантов, психотерапевтов, социальных работников) с клиентами (пациентами) помимо соблюдения общих этических правил предусматривают соблюдение конфиденциальности, а именно: информация о личной частной жизни клиентов не передается другим лицам, исключая те случаи, когда:

- а) соблюдение конфиденциальности влечет за собой нанесение осязаемого вреда основам общественного устройства, морали и нравственности, а также безопасности других людей;
- б) психолог защищает права и здоровье ребенка или подростка;
- в) психологу необходимо проконсультироваться со своим супервизором или группой коллег. В этом случае соблюдается анонимность, т. е. все данные, позволяющие идентифицировать клиента, остаются в тайне.

Каждое психологическое сообщество может создать этические комиссии для обсуждения спорных и сложных случаев практики нарушения этических правил. Этические комиссии могут рассматривать научно-исследовательские и социальные программы и проекты с точки зрения соблюдения этических правил. Целью работы комиссии является не дискриминация (дискредитация) коллег, а повышение профессиональных стандартов работы психологов.

Личностные качества, необходимые для профессиональной социальной работы

Хотя хорошими социальными работниками могут стать люди с разными интересами, умениями и возможностями, тем не менее существует несколько основных характеристик, требующихся для этой профессии.

1. Знания, необходимые для оказания профессиональной помощи и услуг отдельным лицам, группам, организациям или обществу. Это знания о поведении человека, социальной политике и программах, ценностях и этике, о способах выработки оценки собственной практики.

2. Навыки анализа конкретной ситуации, облегчения проблем клиента, защиты его интересов и других соответствующих способов взаимодействия с людьми, которые ищут помощи и которым необходимо оказать ее.

3. Поддержка таких ценностей, как гуманность, справедливость, самоопределение, конфиденциальность, антидискриминация и честность в профессиональной деятельности.

4. Сознательное и разумное использование собственных личностных качеств и дифференцированное применение навыков общения в профессиональных целях.

5. Признание и принятие того факта, что часто один человек должен брать на себя ответственность за создание новых организаций и общественных институтов, если они необходимы для всех.

6. Глубокая и искренняя заинтересованность в клиентах и работе с ними.

7. Настрой на работу в трудных условиях и решение сложных социальных проблем.

Очевидно, что перечисленные качества будут по-разному проявляться в различных ситуациях. Сегодня практикующему социальному работнику, чтобы решить проблемы клиентов, необходима масса различных умений.

В процессе подготовки социальных работников было многое сделано для того, чтобы дать людям общие знания и умения на уровне высшей школы, которые затем совершенствовались бы в процессе непрерывного образования. Социальный работник в своей профессиональной деятельности может выполнять разные социальные роли: защитника интересов клиента, педагога, посредника, организатора в общине, медика, консультанта, администратора, эксперта по вопросам политики. Предполагается, что во время учебы студенты будут иметь возможность развивать умения, необходимые в исполнении нескольких ролей, но прежде они должны иметь возможность узнать о них и ознакомиться с ними на практике. Для этой цели необходимо организовывать практическую работу под наблюдением хороших наставников (супервизоров) в действующих социальных агентствах.

Психологическое консультирование в социальной работе

Консультирование занимает важное место в социальной работе. Так, автор одного из практических руководств по практике социальной работы, изданного Британской ассоциацией социальных работников в качестве учебника, В. Колшед в главе, посвященной консультированию, приводит следующий перечень качеств эффективного консультанта (Coulshed, 1991, p. 45).

1. *Эмпатия*, или понимание, – усилие увидеть мир глазами другого человека.
2. *Уважение* – такое отношение к другому человеку, которое подразумевает веру в его способности справиться с проблемой.
3. *Конкретность*, или способность быть определенным и точным, – способ коммуникации с другим человеком, при котором имеет место все углубляющаяся ясность в отношении своих высказываний.
4. *Знание себя и принятие себя*, а также готовность помочь в этом другому.
5. *Подлинность* – способность быть настоящим во взаимоотношениях.
6. *Конгруэнтность* – совпадение того, что сообщается вербально, с языком тела.
7. *Непосредственность* (*immediacy* – способность делать что-то немедленно, без оговорок, посредников и откладывания) – работа с тем опытом, который имеет место в процессе консультирования в настоящий момент, как с примером того, что имеет место и в повседневной жизни клиента.

Все больше специалистов, занимающихся теорией психотерапии и консультирования, склоняются к мнению, что **качество межличностных отношений** между клиентом и психотерапевтом или консультантом является более важным фактором, чем то, какую именно философию, метод или технику исповедует и использует помощник: консультант или психотерапевт. Это было продемонстрировано как для консультирования, так и для психотерапии и обучения (Aspy, Roebuck, 1977).

Кажется несколько неприличным полагать, что психолог что-то чувствует, имеет догадки или страстно следует неизвестному направлению.

К. Роджерс

В ряде исследований показано, что между эффективностью психотерапии и качествами, проявляемыми психотерапевтом, существуют более сложные взаимоотношения, но в целом фактически все авторы согласны с тем, что существует взаимосвязь между эффективностью помощника и его эмпатией, уважением к клиенту и подлинностью его поведения. Эти исследования также пролили свет на ряд других факторов, которые обсуждались в научной литературе как имеющие возможное влияние на эффективность психотерапии (в данном случае речь шла только о психотерапии, а не о помощи). Они показали, что:

- наличие того факта, что сам психотерапевт прошел курс собственной психотерапии, не является гарантией эффективности психотерапии;
- пол и национальность (расовая принадлежность) не связаны с эффективностью психотерапии;
- ценность степени опытности психотерапевта как фактора, обуславливающего эффективность психотерапии, весьма дискуссионна: по крайней мере, было показано, что человек не обязательно является более успешным психотерапевтом, если у него имеется больше психотерапевтического опыта;
- психотерапевты, которым присущи собственные эмоциональные проблемы, чаще являются менее эффективными в работе;

- помощники более эффективны в тех случаях, когда они имеют дело с клиентами, разделяющими их собственные жизненные ценности.

По поводу предпоследнего положения заметим, что, по данным американских исследований, для эффективных психотерапевтов является характерным некоторый прошлый опыт личностной боли, однако этот опыт не должен произвольно актуализироваться в процессе работы с клиентом. Очевидно, что именно неполезность такой актуализации травматического опыта терапевта и проявилась в приведенных результатах, но это никак не означает, что психотерапевт или консультант как-то выделяется своим исключительным «психическим здоровьем» и отсутствием эмоциональных проблем по сравнению с другими.

В целом подобного рода исследования отмечают существование того феномена, что помощник и клиент могут подходить или не подходить друг другу: никто не может быть эффективным помощником для любого и каждого клиента. Однако остается невыясненным то, каким образом можно обеспечить данное совпадение клиента и психотерапевта для максимальной эффективности психотерапии. Некоторые авторы (например, Nelson-Jones, 1983) считают, что консультанту недостаточно быть только заботящимся и понимающим: он также должен обладать навыками эксперта.

Легче познать людей вообще, чем одного человека в частности.

Б. Паскаль. Мысли

Ряд публикаций посвящен развитию навыков консультирования. Списки этих навыков еще более различаются, чем списки качеств «эффективных консультантов», и доходят до 45 пунктов. Во многих подобных работах, даже посвященных консультированию в социальной работе, где позиция консультанта является априорно более активной, чем в других видах консультирования, подчеркивается, что наиболее важным является «разрешение людям услышать самих себя» (Coulshed, 1991, p. 46). Напомним, что этот принцип был открыт Фрейдом и описан им через известную метафору о том, что психоаналитик является «зеркалом пациента». Параллель с принципами техники психоанализа не случайна: мы можем продолжить нахождение соответствий между описаниями проявления контрпереноса и следующими умениями профессионального консультирования (там же, p. 49):

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.